

Научная статья

УДК 343.848

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.001

Патронат в Российской империи как первый опыт отечественной проба́ции

АННА ПЕТРОВНА ВЕСЕЛОВА

Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия,
avspectr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4673-3053>

Аннотация. Статья посвящена опыту патроната в Российской империи как деятельности, направленной на оказание всесторонней помощи лицам, освободившимся из мест заключения. Анализируется процесс развития данного института, прошедшего путь от разновидностей общей филантропии до одного из концептуальных направлений уголовно-исполнительной политики. Предполагается, что на заключительном этапе своего развития, после введения типового устава обществ патроната и закона об условно-досрочном освобождении, патронат выходит за свои терминологические границы, приобретая черты, сближающие его с постпенитенциарной проба́цией.

Ключевые слова: патронат; проба́ция; история проба́ции; ресоциализация.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Веселова А. П. Патронат в Российской империи как первый опыт отечественной проба́ции // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 18–25. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.001.

Original article

Patronage in the Russian Empire as the First Experience of Domestic Probation

ANNA P. VESELOVA

Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, Novokuznetsk,
Russia, avspectr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4673-3053>

Abstract. The article is devoted to the experience of patronage in the Russian Empire as the activity aimed at providing comprehensive assistance to persons released from prison. The process of development of this institution, which has gone from a kind of general philanthropy to one of the conceptual directions of penal policy, is analyzed. It is assumed that at the final stage of its development, after the introduction of the standard charter of patronage societies and the law on parole, the patronage goes beyond its terminological boundaries, acquiring features that bring it closer to post-penitentiary probation.

Key words: patronage; probation; probation history; resocialization.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Veselova A.P. Patronage in the Russian Empire as the first experience of domestic probation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 18–25. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.001.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. одной из приоритетных задач определяет создание эффективной системы пробации, способной стать ключевым механизмом ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, а также средством профилактики рецидивной преступности.

Из смысла положений концепции вытекает понимание пробации как системы ресоциализации и социальной адаптации, предполагающей внедрение единых принципов оказания всесторонней помощи подозреваемым, обвиняемым, осужденным и лицам, освободившимся от отбывания наказания.

Международные акты включают в пробацию широкий круг мероприятий и мер воспитательного воздействия (в том числе надзор, контроль, оказание помощи), направленных на вовлечение осужденного в общественную жизнь, а также на обеспечение безопасности общества [1, с. 117]. Основной целью пробации называются сокращение рецидивной преступности посредством установления позитивных взаимоотношений с правонарушителями для осуществления контроля, руководства и оказания им помощи, а также вовлечения их в жизнь в обществе [1, с. 118].

Проект федерального закона «О пробации в Российской Федерации» предусматривает различные виды пробации, в том числе постпенитенциарную, которая применяется к лицам, освободившимся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, и включает совокупность мер, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и реабилитацию [2].

Несмотря на некоторое расхождение международного и национального законодательства в данной сфере, определяющими представляются акценты на цели пробации, заключающейся в возврате осужденного в общество, что важно в том числе и для безопасности самого общества; на ее средствах, объединяющих различные виды помощи лицам, освободившимся из мест лишения свободы; на осуществлении функций пробации различными общественными организациями при общем понимании службы пробации как государственного ведомства.

Традиционно для изучения содержания пробации используется зарубежная практика, однако анализ российской истории уголовно-исполнительной системы свидетельствует о наличии отечественного опыта, заслуживающего внимания и осмысления.

Для пенитенциарной действительности XIX – начала XX вв. в целях обозначения деятельности, связанной с оказанием социальной поддержки арестан-

там, в том числе отбывшим наказание, характерно использование термина «патронат». Историю патроната в России можно разделить на три периода, каждый из которых отличает свое целеполагание патронатской помощи, содержание и субъектный состав.

Первый этап развития патроната (1819–1880 гг.) сопряжен с деятельностью Попечительного о тюрьмах общества и различных благотворительных учреждений, получивших распространение в Российской империи в XIX в. Социальная помощь осужденным в этот период понималась как филантропическое направление и осуществлялась наравне с другими нуждающимися – бесприютными, нищенствующими, сиротами. Примерами обществ, ее оказывающих, являлись Комитет для разбора нищих (1835 г.), Приют для призрения освобожденных и оправданных всякого звания (1844 г.), Рабочий дом для выходящих из тюрьмы, больниц, для малолетних, не обученных ремеслам, и вообще для павших, но не потерявших чувства стыда и доброй воли, и др. [3, с. 6].

Специализированный характер патроната проявлялся в отношении двух категорий «выпущенников» – несовершеннолетних и женщин, что было обусловлено организацией исправительных приютов и «убежищ». И исправительные приюты, и «убежища» по своему назначению являлись учреждениями, где их подопечные могли временно проживать и питаться, получить одежду, денежное пособие, возможность временного заработка, а также положительную рекомендацию для последующего трудоустройства [4, ст. 11; 5, с. 417–420].

Второй этап формирования системы патроната в Российской империи (1880–1908 гг.) связан с новым пониманием целей покровительственной поддержки бывшим арестантам. Социальная помощь осужденным, составляющая его содержание, стала осознаваться как необходимое условие профилактики рецидивной преступности. В рамках международных пенитенциарных конгрессов активное обсуждение получили вопросы организации патроната как института, направленного на профилактику преступлений. Международные и отечественные правоведы подчеркивали значимость патронатской деятельности не только для бывших арестантов, но и для общества в целом.

Следствием изменившегося подхода стало осязаемое увеличение количества обществ, оказывающих адресную помощь лицам, освобожденным из мест заключения, а также устойчивое внимание государства к теме патроната и признание его одним из основных направлений в развитии российской пенитенциарной системы. Формальным признаком данных тенденций можно считать введение с 1906 г. в официальных отчетах Главного тюремного управления специального раздела – «Тюремный патронат» [6, с. 274], где освещались вопросы истории патроната в России и за рубежом, актуальные законодательные изменения, анализировалась деятельность обществ помощи бывшим арестантам и их отчетность.

Отчеты Главного тюремного управления 1906–1907 гг. подтверждают, что на тот момент под патронатом понималась любая деятельность, направленная на оказание помощи освобождаемым или освобожденным из мест заключения, а также их семьям. В практическом отношении она больше касалась

наиболее уязвимых категорий – женщин и детей. По финансовым отчетам, представленным благотворительно-тюремными комитетами, очевидно, что расходы обществ в большей степени были связаны с материальным обеспечением подопечных (продовольствием, одеждой, медикаментами и т. п.). [6, с. 274–288; 7, с. 310–352].

С 1908 г. в развитии патроната можно выделить заключительный и качественно новый этап, предопределенный принятием Нормального устава обществ покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения (патроната), а также форсировавшим его законом об условно-досрочном освобождении.

С введением типового устава впервые на законодательном уровне было сформулировано понятие патроната, под которым следовало понимать покровительство лицам, освобождаемым из мест заключения. Устав в ст. 5 закреплял направления деятельности обществ, к которым относились: снабжение одеждой, пищей, медикаментами, рабочими инструментами и материалами и т. п.; выдача ссуд и денежных пособий; поиск рабочих мест; содействие в помещении в приюты, больницы, дома трудолюбия; помощь в отправлении на родину, в получении видов на жительство, получении разрешения на перемену места жительства; обеспечение возможностей воспитания детей [8].

Отчеты Главного тюремного управления показывают, что на практике основными видами патронатской помощи являлись: обеспечение питанием, необходимыми предметами (имеются в виду рабочие инструменты) и одеждой, содействие в поиске работы и жилища, устройство детей в приюты, содействие возвращению на родину, помещение в дома трудолюбия и убежища, найм квартир и «углов», оказание юридической помощи. К видам юридической помощи отчеты относят: возбуждение ходатайств о невысылке, помощь в скорейшем назначении дела и поиске защитника, назначение поручителя, принятие поручительства и внесение залога [9, с. 140; 10, с. 344; 11, с. 242].

Принципиальное значение имеет тот факт, что устав прямо не определял надзорные функции общества патроната по отношению к своим подопечным. Более того, в уставе поддерживалась концепция добровольности бывших арестантов в поступлении под покровительство общества (ст. 4) [8]. Однако положения Закона об условном досрочном освобождении, с изложением рассуждений, на коих он основан, 1909 г. [12], разработка которого в значительной степени предопределила принятие Нормального устава общественного покровительства лицам, освобожденным из мест заключения (патроната), наделяли общества патроната существенными полномочиями, превращающими их фактически в механизм обеспечения условно-досрочного освобождения.

Так, согласно ст. 5 указанного закона, членам местных обществ патроната в том числе принадлежало право возбуждать вопрос об условно-досрочном освобождении заключенных, участвовать в особом совещании, определяющем возможность его применения к конкретному заключенному (ст. 7). На весь оставшийся неотбытым срок лишения свободы досрочно освобожденный передавался «под наблюдение и на попечение» общества патроната

(ст. 15). Члены данного общества выдавали разрешение на отлучку лица из назначенного места жительства (ст. 19), а также должны были уведомлять суд о нарушениях, совершенных досрочно освобожденным и служивших основанием для отмены условно-досрочного освобождения (ст. 21).

Право членов местных обществ патроната возбуждать вопрос об условно-досрочном освобождении заключенных меняет представление о патронате в Российской империи этого периода как об институте, имеющем исключительно постпенитенциарную направленность. Согласно ст. 39 Нормального устава обществ покровительства лицам, освобождаемым из мест заключений (патроната), для детального знакомства с содержащимися под стражей и их нуждами члены общества, избранные правлением, были наделены правом посещать места заключения.

При устойчивом понимании патроната как преимущественно общественной инициативы на третьем этапе заметно возрастает государственное участие. В конце XIX в. М. И. Свешников, приват-доцент Санкт-Петербургского университета, лаконично сформулировал возможные формы отечественного патроната: как разновидность народного призрения, как форма общественной опеки над личностью осужденного, как форма общественно-государственного надзора над освобожденным, с обширными над ним правами [13, с. 181].

Именно по последнему пути шло развитие патроната в России после принятия Нормального устава общественного покровительства лицам, освобожденным из мест заключения (патроната) (1908 г.), и закона об условно-досрочном освобождении (1909 г.). Об этом свидетельствовали появление контроля со стороны государственных органов в виде обязательных отчетов обществ патроната, привлечение административного ресурса в лице губернаторов, а также введение частичного казенного финансирования патронатской деятельности. Закон 1912 г. «О государственной помощи обществам покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения» предусматривал казенные пособия, размер которых, однако, не мог быть больше, чем количество финансов, привлеченных обществом самостоятельно [14].

Перспективы расширения государственного участия отечественные юристы, современники патроната, видели во введении в состав обществ патроната членов по должности, к которым в том числе относили начальника тюрьмы и помощника прокурора, заведующего тюрьмой [15, с. 308]. Кроме того, предлагалось создать центральный государственный орган патроната, который должен был объединить разрозненные общества в пределах одного государства [13, с. 183–184].

Представляется, что на последнем, третьем, этапе своего развития с 1908 г. патронат в Российской империи приобретает характеристики, позволяющие считать его опытом отечественной пробации. К 1914 г. в России существовало почти полторы сотни обществ, реализующих патронатскую деятельность в разных регионах империи. Содержание патроната в большей степени было направлено на ресоциализацию бывших арестантов, что подразумевало оказание прямой материальной поддержки, организационной и юридической помощи. Надзорные функции члены общества выполняли по отношению к условно-досрочно освобожденным.

Деятельность обществ была нормативно урегулирована. Вводилось частичное государственное финансирование патроната и контроль в виде предоставления отчетности. Патронат в целом носил постпенитенциарный характер, однако ряд положений (посещение в тюрьме, возбуждение ходатайства об условно-досрочном освобождении) свидетельствует о его распространении и на период нахождения осужденного в заключении.

Система патроната мыслилась в роли посредника между обществом (именно обществом, а не государством) и «выпущенником», при этом ее успешное функционирование не представлялось без активных позиций обеих сторон. Из этого следовал ряд принципиальных моментов. Во-первых, концепция добровольности вступления под опеку обществ патроната для основной категории лиц, освободившихся из мест лишения. По-настоящему социально адаптировать и реабилитировать можно только тех, кто сам желает вернуться в общество и стать его имманентной частью. Для иных лиц достаточно полицейского надзора. Во-вторых, подчеркивалась важность выполнения патронатских функций общественными, не связанными с тюрьмой буквально учреждениями. Они должны иметь внутреннюю человеческую заинтересованность в результате, а не профессиональную казенную надобность. В-третьих, посредничество и его плоды будут благополучными, если общество не останется равнодушным. Оно не только не препятствует, относясь настороженно, а порой и враждебно к «выпущенникам», но и активно содействует возвращению бывших осужденных в свои ряды. Часть не сможет вернуться в целое, если отторгается последним. Поэтому одной из задач системы патроната признавалась просветительская работа, живое знакомство широкой общественности с идеями патроната, прививание обществу чувства ответственности и значимости в борьбе с преступностью через участие в патронате.

Таким образом, патронат, ставший на рубеже XIX–XX вв. одним из концептуальных направлений развития отечественной уголовно-исполнительной системы, прошел в Российской империи существенный путь от второстепенных функций Попечительного о тюрьмах общества до системы обществ, оказывающих помощь осужденным, отбывшим наказание в виде лишения свободы. Объединенная общим названием патроната, под которым понималось покровительство лицам, освобождаемым из мест заключения, эта деятельность вышла за свои терминологические границы, приобретя после 1908 г. черты, сближающие ее с современным понятием probation. Весь период своего существования патронат оставался гуманистическим институтом социальной и правовой помощи. Его содержание определяли материальная поддержка, содействие в поиске жилья и трудоустройстве, юридические услуги. Внимание уделялось заботе о семье арестантов и сохранению их семейных связей. Надзорные функции обществ патроната носили второстепенный характер и были направлены на категорию условно-досрочно освобожденных. Несмотря на то что описанный опыт находился в стадии формирования и был прерван по объективным причинам, заслуживающими внимания представляются тезисы о добровольности участия подопечных, признании общественных организаций в качестве первостепенного субъекта патроната, просвещении и активном вовлечении широких слоев общества в дело патроната.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сборник документов Совета Европы / сост. и перев. В. Б. Первозванский, Н. Б. Хуторская. М., 2011. 143 с.
2. Проект федерального закона № 232770-8 «О пробации в Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 10.11.2022). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Шимановский М. В. Патронат в России. Публичная лекция. Одесса, 1888. 71 с.
4. Об исправительных приютах. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. 5 декабря 1866 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLI. Отделение второе. 1866 г. СПб., 1868. С. 352–353.
5. Никитин В. Н. Тюрьма и ссылка: историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи со времени возникновения русской тюрьмы и до наших дней (1560–1880). СПб., 1880. 674 с.
6. Отчет по Главному тюремному управлению за 1906 год. СПб., 1908. 333 с.
7. Отчет по Главному тюремному управлению за 1907 год. СПб., 1909. 397 с.
8. Нормальный устав обществ покровительства лицам, освобождаемым из мест заключений (патроната). [Б. м.], 1908. 8 с.
9. Отчет по Главному тюремному управлению за 1910 год. Ч. 1. Объяснения. СПб., 1912. 151 с.
10. Отчет по Главному тюремному управлению за 1911 год. Ч. 2. Приложения. СПб., 1913. 398 с.
11. Отчет по Главному тюремному управлению за 1913 год. Ч. 2. Приложения. СПб., 1914. 292 с.
12. Закон об условном досрочном освобождении с изложением рассуждений, на коих он основан (Собр. узак. 1909 г. № 126, ст. 1216) / под. ред. Д. А. Коптева. СПб., 1909. 374 с.
13. Труды Пенитенциарной комиссии С. Петербургского юридического общества / под ред. И. Я. Фойницкого. СПб., 1890. 214 с.
14. О государственной помощи обществам покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения. Высочайше утвержденный одобренный Государственным советом и Государственной Думой закон. 24 декабря 1912 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXXII. Отделение первое. 1912 г. Петроград, 1915. С. 1775–1777.
15. Международный союз криминалистов. Русская группа. СПб., 1902. 577 с.

REFERENCES

1. *Sbornik dokumentov Soveta Evropy* [Collection of documents of the Council of Europe]. Comp. and transl. by Pervozvanskii V.B., Khutorskaya N.B. Moscow, 2011. 143 p.
2. *Proekt federal'nogo zakona No. 232770-8 "O probatsii v Rossiiskoi Federatsii"* (red., vnesennaya v GD FS RF, tekst po sostoyaniyu na 10.11.2022) [Draft Federal Law No. 232770-8 "On probation in the Russian Federation" (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, wording as of November 10, 2022)]. Access from the "ConsultantPlus" legal reference system.
3. Shimanovskii M.V. *Patronat v Rossii. Publichnaya lektsiya* [Patronage in Russia. Public lecture]. Odessa, 1888. 71 p.
4. On correctional shelters. The most highly approved opinion of the State Council. December 5, 1866. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. T. XLI. Otdelenie vtoroe. 1866 g.* [Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. XLI. Section 2]. Saint Petersburg, 1868. Pp. 352–353. (In Russ.).
5. Nikitin V.N. *Tyur'ma i ssylka: istoricheskoe, zakonodatel'noe, administrativnoe i bytovoie polozhenie zaklyuchennykh, peresyl'nykh, ikh detei i osvobozhdennykh iz-pod strazhi so*

vremeni vozniknoveniya russkoi tyur'my i do nashikh dnei (1560–1880) [Prison and exile: historical, legislative, administrative and everyday situation of prisoners, messengers, their children and released from custody from the time of emergence of the Russian prison to the present day (1560–1880)]. Saint Petersburg, 1880. 674 p.

6. *Otchet po Glavnomu tyuremnomu upravleniyu za 1906 god* [Report on the Main Prison Administration for 1906]. Saint Petersburg, 1908. 333 p.

7. *Otchet po Glavnomu tyuremnomu upravleniyu za 1907 god* [Report on the Main Prison Administration for 1907.]. Saint Petersburg, 1909. 397 p.

8. *Normal'nyi ustav obshchestv pokrovitel'stva litsam, osvobozhdaemym iz mest zaklyuchenii (patronata)* [Normal charter of patronage societies for persons released from places of detention (patronage)], 1908. 8 p.

9. *Otchet po Glavnomu tyuremnomu upravleniyu za 1910 god. Ch. 1. Ob'yasneniya* [Report on the Main Prison Administration for 1910. Part 1. Explanations]. Saint Petersburg, 1912. 151 p.

10. *Otchet po Glavnomu tyuremnomu upravleniyu za 1911 god. Ch. 2. Prilozheniya* [Report on the Main Prison Administration for 1911. Part 2. Appendices]. Saint Petersburg, 1913. 398 p.

11. *Otchet po Glavnomu tyuremnomu upravleniyu za 1913 god. Ch. 2. Prilozheniya* [Report on the Main Prison Administration for 1913. Part 2. Appendices]. Saint Petersburg, 1914. 292 p.

12. *Zakon ob uslovnom dosrochnom osvobozhdenii s izlozheniem rassuzhdenii, na koikh on osnovan (Sobr. uzak. 1909 g. No. 126, st. 1216)* [The law on conditional early release with a statement of the reasoning on which it is based (Collection of laws 1909, No. 126, Article 1,216)]. Ed. by Koptev D.A. Saint Petersburg, 1909. 374 p.

13. *Trudy Penitentsiarnoi komissii S. Peterburgskogo yuridicheskogo obshchestva* [Proceedings of the Penitentiary Commission of the Saint Petersburg Law Society]. Ed. by Foinitskii I.Ya. Saint Petersburg, 1890. 214 p.

14. On State assistance to patronage societies for persons released from prison. The most highly approved law approved by the State Council and the State Duma. December 24, 1912. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e. T. XXXII. Otdelenie pervoe. 1912 g.* [Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. XXXII. Section 1]. Petrograd, 1915. Pp. 1,775–1,777. (In Russ.).

15. *Mezhdunarodnyi soyuz kriminalistov. Russkaya gruppa* [International Union of Criminologists. Russian group]. Saint Petersburg, 1902. 577 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АННА ПЕТРОВНА ВЕСЕЛОВА – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России, Новокузнецк, Россия, avspectr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4673-3053>

ANNA P. VESELOVA – Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines of the Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, Novokuznetsk, Russia, avspectr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4673-3053>

Статья поступила 12.12.2022